

Глава 15. Сближение

— Всё из-за того, что случилось в детстве? Поэтому ты стал таким?..

Е Цинжан давно подозревал нечто подобное, так что ничуть не удивился. Он лишь хотел мягко подтолкнуть собеседника открыться и рассказать всё до конца.

Хэ Чэншуан глухо, низко рассмеялся:

— Ты как-то говорил, что твоя семья тоже не была идеальной. Но тебя хотя бы любили дедушка с бабушкой. Твой отец пусть и не отличался чуткостью в быту, но ты никогда ни в чём не нуждался, и выучил он тебя на совесть. Знаешь, я порой ума не приложу... Для меня ты — просто домашний мальчишка, не видевший в жизни настоящих бурь. И всё же в самые трудные минуты ты остаёшься поразительно хладнокровным. А удивительнее всего то, что ты до сих пор со мной.

«Если бы не апокалипсис и всё, что связало нас в прошлой жизни, я бы бежал от тебя без оглядки», — подумал Е Цинжан.

Хэ Чэншуан продолжил:

— Моё детство было куда паршивее. У деда водились шальные деньги, а мой папаша был обычным альфонсом. Зачем он женился на матери — понимал каждый встречный. Он её не любил, да и на меня ему было плевать. Когда мне исполнилось восемь, дела у деда пошли на спад, доходы поползли вниз, и этот ублюдок тут же заговорил о разводе и разделе имущества. Мать, разумеется, на это не пошла бы — разве что если бы он убрался голым и босым. Но разве такой паразит добровольно откажется от наживы?

Хэ Чэншуан презрительно фыркнул, и в его глазах вспыхнула застарелая, тяжёлая ненависть:

— Когда его грязный план провалился, он принялся вымещать злость на нас с матерью. Стал распускать руки, крыл нас последними словами, шлёндал по бабам... Дед от такого позора слёг и больше не поднялся. А этот трусливый подонок... Столько лет пресмыкался перед дедом и матерью, строил из себя шёлкового! Наша семья никогда ни в чём ему не отказывала, он восемь лет жил как сыр в масле. И после всего сотворить такое... Тварь неблагодарная.

— Когда дедушка умер, папаша совсем слетел с катушек. Потерял всякие берега. Однажды мать тяжело заболела, а он запер нас дома и не пускал врачей. Я был слишком мал, не понимал, как бороться, как дать ему отпор... Мне оставалось только смотреть, как мама медленно угасает и умирает прямо на моих глазах. Наверное, именно тогда в моей голове что-то надломилось. С тех пор я и мыслю, и действую только крайностями.

— Боже, какой кошмар...

Е Цинжан знал, что мир полон жестоких людей, но услышать подобное из уст самого Хэ Чэншуана... Сердце невольно сжалось от острой, щемящей жалости.

— Самое смешное, что когда всё кончилось, он сам вызвал полицию, — Хэ Чэншуан горько усмехнулся. — Разыграл безутешное горе, наплёл, будто мы с матерью оба психически больны, а он просто запер нас, уходя по делам, чтобы мы не натворили глупостей, и даже еду оставил. Когда меня обследовали, врачи действительно обнаружили лёгкое посттравматическое расстройство. Так я и загремел в лечебницу закрытого типа. Его ложь шили белыми нитками, любой дурак бы понял, но ублюдок как-то выкрутился. Дальше жил припеваючи и ни в чём себе не отказывал.

— В этой спецбольнице я провёл два года. Время было паршивое, врагу не пожелаешь. В двенадцать лет я умудрился сбежать — понимал, что если останусь там, то сгнию заживо. Я отыскал этого выродка. У него уже была новая баба, ребёнок... Меня тогда перекрыло так, что я чуть не зарезал его на месте. Помню только, как ударил ножом несколько раз, испугался своего же безумия и бросился бежать. Те раны вроде оказались не смертельными, он выжил. А я рванул на юг. Скитался, копался на помойках, сдавал бутылки, чтобы не подохнуть с голоду. Через два года в Гуйчжоу встретил Лао Цзяна. С ним мы добрались до Юньнани, где прибились к тогдашнему боссу «Хунъюнь». Начинал обычным костоломом на побегушках, ну а дальше ты знаешь — зубами выгрыз себе дорогу наверх.

Е Цинжан слушал этот будничный, лишённый всякого пафоса рассказ, и перед его глазами вставали картины тех лет. Хэ Чэншуан опустил самые мрачные и грязные подробности своих скитаний, но Е Цинжан без труда представлял, через какой ад пришлось пройти этому человеку. То, что он выжил, не сошёл с ума и не опустился на самое дно, граничило с чудом. Слишком высокую цену ему пришлось заплатить за право дышать.

— Не знаю, что сказали бы на это другие, — тихо произнёс Е Цинжан. — Плевать на законы и общественную мораль. С чисто человеческой точки зрения... Тебе пришлось невероятно тяжело. Прошное не вернуть и не распутать, те обиды слишком глубоки. Но теперь у тебя есть Лао Цзян, верный брат, есть преданные люди и огромное дело. Тебе нужно жить будущим. Постарайся отпустить то, что рвёт тебя изнутри.

Хэ Чэншуан впился в него жадным, горящим взглядом:

— Но всё, что у меня есть сейчас, — это не то, чего я по-настоящему хочу. Человеку нужен смысл, чтобы просто продолжать дышать. Это может быть что угодно, пусть даже призрачная, безумная мечта. Я упрямо верил, что найду свой смысл, и ждал его всю жизнь. И только когда встретил тебя, понял: теперь мне есть ради чего жить.

С каждым словом он придвигался всё ближе, пока наконец не навис над Е Цинжаном, оперевшись левой рукой в постель. Их разделяли считанные сантиметры, и Е Цинжан кожей чувствовал его горячее дыхание.

«В груди словно поднялся тёплый ветер, всколыхнувший густые травы. Я ведь не слепой и

давно замечал, как он ко мне относится, просто трусливо делал вид, что ничего не происходит. Я ведь надеялся, что мы станем надёжными соратниками, опорой друг для друга в грядущем кошмаре апокалипсиса... Но человеческие чувства слишком непредсказуемы. Теперь я уже ни в чём не уверен», — пронеслось в голове Е Цинжана, оставив после себя лишь растерянность и щемящую тревогу.

Пытаясь скрыть смущение, он недовольно и резко спросил:

— Что за глупости? При первой встрече ты даже имени моего не знал! К чему эти высокопарные бредни? Я-то считал тебя серьёзным человеком, а ты, оказывается, обычный пустозвон. Интересно, скольким ты уже успел наплести эту чушь?

Е Цинжан всего лишь хотел осадить его за излишнюю легкомысленность, но под конец его тон невольно приобрёл неожиданный оттенок — то ли ревности, то ли кокетства.

Хэ Чэншуан накрыл его плечо широкой ладонью и горячо возразил:

— Спроси у любого из моих людей, мне скрывать нечего! У меня никогда никого не было. Я не из тех, кто заводит интрижки ради скуки или прыгает в постель к первому встречному, чтобы просто выпустить пар. Все эти мужчины и женщины вызывают у меня лишь глухое отвращение, ни капли желания. Но стоит мне бросить взгляд на тебя, как кровь мгновенно приливает к паху.

От такой обезоруживающей, бесстыдной прямоты Е Цинжан вспыхнул до корней волос. Сгорая от стыда и злости, он упёрся руками в крепкую грудь мужчины, пытаясь оттолкнуть его от себя.

Однако это сопротивление лишь разожгло Хэ Чэншуана. Он заворожённо смотрел на то, как гневно сошлись к переносице тонкие брови юноши, как в его обычно кротких, ясных глазах вспыхнуло яростное пламя, прекрасное, словно мириады звёзд. Из-за прерывистого, частого дыхания крылья его изящного носа слегка подрагивали, а покусанные, плотно сжатые губы приоткрыли едва заметную ямочку на щеке — очаровательный штрих, выдававший его смущение. В этом облике смешались упрямство, злость и беспомощная, восхитительная растерянность.

Хэ Чэншуан больше не мог и не желал сдерживаться. Навалившись всем телом, он легко перехватил тонкие запястья Е Цинжана, завёл их за голову и зажал в своей железной ладони. Склонившись ниже, он хищно впился в его припухшие, пунцовые губы. Вкус оказался именно таким, каким Хэ Чэншуан грезил в своих самых смелых фантазиях: невероятно нежным, сладким, пропитанным чистым, пьянящим ароматом этого человека.

От неожиданности Е Цинжан широко распахнул глаза. Он никогда ни с кем не заходил так далеко, а уж тем более — с мужчиной! Тяжёлое, обжигающее дыхание Хэ Чэншуана кружило голову, его тонкие губы сминали и ласкали его собственные с безумной, всепоглощающей страстью. Е Цинжан попытался высвободить ноги, но Хэ Чэншуан тут же навалился тяжелее,

намертво блокируя любые движения. Все духовные техники сейчас были бесполезны — Е Цинжан в этот миг горько пожалел, что так рано взялся обучать этого варвара искусству совершенствования.

Разозлившись окончательно, Е Цинжан резко прикусил терзающие его губы, надеясь заставить наглеца отступить. Но стоило ему приоткрыть рот, как Хэ Чэншуан мгновенно перехватил инициативу. Его свободная ладонь стальными пальцами сжала подбородок юноши, заставляя разомкнуть челюсти, и горячий, влажный язык бесцеремонно ворвался внутрь. Он безжалостно подчинил себе чужой, робкий язычок, сплетаясь с ним в глубоком, изнуряющем поцелуе.

Юноша не удержался и тихо, беспомощно застонал. Этот приглушённый звук окончательно лишил Хэ Чэншуана остатков самообладания. Его ласки стали грубыми, требовательными; он по-хозяйски исследовал каждый уголок чужого рта, сминая и терзая нежную плоть. В тишине спальни отчётливо раздавались влажные, постыдные звуки, от которых у Е Цинжана против воли выступили слёзы на глазах.

Насытившись сполна, Хэ Чэншуан наконец неохотно отпустил его искусанные, влажные губы. Он спустился чуть ниже, к самой ямочке на щеке, бережно очертил её кончиком языка, а затем шутливо прикусил мягкую кожу. Е Цинжан от испуга невольно вскрикнул.

Мужчина хрипло рассмеялся. Его взгляд скользнул ниже, по измятой в ходе борьбы домашней рубашке Е Цинжана. Ткань задралась, обнажая изящную линию ключиц и полоску гладкой, манящей кожи на подтянутом животе.

Они лежали слишком близко. Как только Е Цинжан немного пришёл в себя, он сразу почувствовал упругий, изнывающий от возбуждения пах Хэ Чэншуана. Прямо сквозь тонкую ткань домашней одежды в его бедро упиралось нечто твёрдое и горячее, многозначительно содрогаясь от каждого хриплого смешка и едва заметно покачиваясь.

Е Цинжану не нужно было объяснять, что это такое. В памяти мгновенно всплыли бесстыдные слова Хэ Чэншуана о том, что стоит ему увидеть Е Цинжана, как...

От ярости и смущения у юноши едва ли не искры из глаз посыпались. Он открыл рот, чтобы высказать мерзавцу всё, что о нём думает, но, увы, никогда не умел ругаться. Всё, на что его хватило — это беспомощно выкрикивать банальные «наглец!», «негодяй!» и «немедленно пусти!», которые звучали совершенно не грозно.

Хэ Чэншуан тем временем прислушивался к собственным ощущениям и реакциям партнёра. Под мягкими хлопковыми штанами Е Цинжана тоже наметился едва заметный бугорок — а значит, юноша не остался абсолютно равнодушен к его ласкам, пусть его желание и уступало неистовому пожару самого Хэ Чэншуана. Понимая это, мужчина решил на сегодня остановиться. Если зайти слишком далеко и по-настоящему разозлить Е Цинжана, можно разрушить то хрупкое доверие, которое они так долго выстраивали.

Он мягко положил ладонь на шею юноши, а большим пальцем бережно погладил

покрасневшую щёку рядом со злополучной ямочкой. Глядя на то, как Е Цинжан упрямо отворачивает лицо, Хэ Чэншуан негромко заговорил:

— В детстве я не знал родительской любви. Годы бродяжничества научили меня лишь тому, насколько жесток и равнодушен этот мир. Потом я попал в банду, где каждый день ходил по лезвию ножа, а вокруг крутились только алчные подонки да продажные шкуры.

Глубокий, бархатистый голос Хэ Чэншуана проникал в самую душу, заставляя вслушиваться в каждое слово:

— Ты наверняка никогда не бывал в подпольных казино. В таких местах человеческое нутро обнажается за секунды — наружу лезут жадность, животный страх, отчаяние и злоба. На аукционах нефрита всё то же самое. Люди одержимы лёгкой наживой, они дрожат над каждым камнем, а проиграв, исходят желчью. Но ты... Когда я впервые увидел тебя на рынке, ты выбирал необработанные глыбы с таким спокойным, будничным видом, словно покупал овощи в лавке. В тебе не было ни капли алчности или азарта. Даже когда этот придурок Ян Цзя полез на рожон, ты бровью не повёл. В ту секунду мир вокруг меня перестал существовать — остался только ты. Я вмешался не потому, что ты нуждался в защите. Я прекрасно понимал, что ты справишься сам. Просто... мне нужен был благовидный предлог, чтобы заговорить с тобой. Найти повод стать ближе.

Заметив, что дыхание Е Цинжана наконец выровнялось, Хэ Чэншуан тихо добавил:

— Ты удивительный. Уверен, на тебя будут заглядываться многие — и мужчины, и женщины, среди которых наверняка найдутся те, кто лучше, благороднее или успешнее меня. Но я клянусь: для меня ты всегда будешь на первом месте. Твоя жизнь для меня важнее собственной. Ты ведь видишь людей насквозь. Сам знаешь, что я не лгу.

Е Цинжан, конечно, знал это. В прошлой жизни Хэ Чэншуан не успел сказать ему ни единого слова, но без колебаний бросился в пекло, спасая его из смертельной ловушки. Чувства этого человека всегда были чистыми и искренними — без фальши и скрытых мотивов.

Подумав об этом, Е Цинжан медленно повернул голову обратно и посмотрел на него. Но на душе всё равно скребли кошки. Так просто переступить черту и в один миг превратить надёжного товарища в любовника... Для него это было чересчур.

Он недовольно повёл затёкшими запястьями и буркнул:

— Для начала отпусти меня.

Хэ Чэншуан внимательно взгляделся в его лицо. Убедившись, что юноша больше не собирается драться или бежать, он послушно разжал пальцы, опустил его ладони и принялся мягко растирать покрасневшие запястья.

— Сильно сдавил? Больно?

Е Цинжан раздражённо фыркнул:

— Раньше надо было думать. Зачем вообще было так хватать?

Стоило ему вспомнить, с каким неистовым напором его только что целовали, как мочки ушей снова предательски заалели.

Хэ Чэншуан тактично проигнорировал упрёк и, заглянув юноше в глаза, с затаённой надеждой спросил:

— Я открыл тебе душу. А что чувствуешь ты? Есть ли мне место в твоём сердце?

Е Цинжан растерянно захлопал ресницами, а затем с досадой зыркнул на него:

— Если бы ты мне был безразличен, я бы пришиб тебя на месте!

Но вовремя сообразив, что с нынешними силами укокошить Хэ Чэншуана будет задачей не из лёгких, он поспешно добавил:

— Нам нельзя торопить события. И чтобы больше никаких фокусов без моего согласия! Слышишь?

Поняв, что юноша сменил гнев на милость, Хэ Чэншуан с облегчением улыбнулся:

— Обещаю. Больше никакого принуждения.

Впрочем, ровно то же самое он клялся исполнить, когда впервые не сдержался и сжал Е Цинжана в своих объятиях.

<http://bllate.org/book/19006/1950754>